

Кино

Когда творчество несет ощущение замечательного товарищества, братства, у искусства нет границ — есть свой язык, понятный всем народам

НИКИТА МИХАЛКОВ,
кинорежиссер

Мои самые первые впечатления об Италии связаны с ранним детством. Я увидел итальянские пейзажи на картинах, в этюдах моего деда Петра Кончаловского, и тогда для меня совершенно незнакомая земля — Соренто, Неаполь — стала близкой. Это, очевидно, связано с огромным уважением к деду и с его глубоким интересом и любовью к Италии, куда он часто ездил. Слово „Италия“ постоянно звучало в разговорах, и хотя я даже не знал, где находится эта невиданная страна, картины деда наполняли это слово понятным для меня содержанием. Одним из самых сильных впечатлений, близких мне, было влияние итальянского неореализма. Конечно, итальянский неореализм влиял не только на нас. Это было мощное течение кинематографа, родившегося после разрухи, войны, нищеты, голода и испытаний — новое кино, кино о простых людях, разрушавшее прежние довоенные стереотипы, которые стали мертвой формой. Какие художники! Де Сика, Висконти, Де Сантис, Антониони, позднее Феллини... История неореализма не была долгой, но какое мощное энергетическое влияние в мировой кинематограф! Не удивительно, что этот взрыв произошел именно в Италии, то есть в той стране, в которой существовали и никогда не разрушались традиции, связи со своим культурным прошлым. Мне кажется, в этом отношении наша история намного более трагична, чем история Италии, потому что мы существуем как бы в двух ис-

Италия в сердце моем

ториях. Мы отсекали одну и абсолютно перестали думать о том, что сегодняшний наш день — это так или иначе продолжение дня вчерашнего. Мне думается, что нить исторического прошлого, уходящая вглубь и ведущая вперед, и есть основа стабильного и постоянного культурного существования Италии, которая так притягивает художников всего мира. Хотя можно увидеть пыль, бумажки и грязь вокруг исторических памятников, не всегда там все убрано, и стены могут быть исписаны, но тем не менее существует абсолютно органическая связь времен. И, наверное, сегодня, когда отношения между нашими странами переживают новый этап своего развития, именно этот опыт Италии, глубокое уважение, не показное и изнутри идущее (когда дети знают, кто что строил, кто где жил, какие события происходили там или здесь), нам хорошо бы перенять, чтобы и мы в своем развитии следовали этой великой традиции итальянской культуры. А самое главное, что мы можем вынести в результате совместного творчества, — это возможность человеческого сближения. Мне довелось работать в Италии с великим актером Марчелло Мاستроянни, с которым мы вместе

делали картину „Очи черные“, а потом работали над спектаклем под названием „Механическое пианино“. Мастроянни играл главные роли, можно сказать, Чехов сделал нас близкими друзьями. Когда мы пытались перенести на сцену атмосферу русской усадьбы, у меня были большие опасения, что сделать это будет очень трудно. Я показывал актерам огромное количество материала, который мы привезли из Москвы, фотографии, записи музыки, иллюстрации русских художников, переведенные воспоминания. Постепенно актеры стали пропитываться этим самым духом и этим ритмом. К моему огромному счастью, после долгих мучительных репетиций мы вдруг почувствовали, что актеры играют не только слова, написанные А. П. Чеховым, но и то, что между слов — для прозы Чехова и для его драматургии это крайне важно. Чехов и Мастроянни — в центре Рима... Огромные очереди за билетами, а главное — зрители уходили со спектакля с ощущением, что они побывали в России. А когда мы снимали эпизоды нашей чеховской картины в России, было много смешного и интересного. Я предупредил моих друзей итальянцев, которые впервые приехали в Советский Союз, что

многого, к чему они привыкли, в Костроме не будет, утром кофе в постели, вычищенные ботинок... не будет. Но, если будете внимательны, если включите глаза и уши, сможете узнать и ощутить то, что никогда не откроется туристу. Дело не в моих словах, а в том, что эти замечательные люди — оператор Франко Диджакомо, продюсер Сильвия Дамико, Мастроянни и другие — постепенно втянувшись в жизнь, в работу, гуляя по Костроме, отдыхая на берегу Волги, ощутили доброжелательность и душевность людей, которые их окружали. Возникла невероятная ситуация, при которой совершенно иные ценности становятся главными. Они жили не только жизнью иностранцев в России, но поняли, что есть единое целое: и они, и Кострома, и Италия, и Россия. То есть было ощущение замечательного братства, которое возможно в творчестве. Эти люди уезжали из России с глазами, полными слез, и в Италии постоянно приходили ко мне в монтажную, чтобы посмотреть какие-то пейзажи, какие-то кусочки. И мне думается, человеческий результат именно в том, что эти люди ощутили, что такое Россия. Они ее еще не знают, но ощущение, что это живая и расположенная к дружескому человеческому общению страна есть. И мне очень хотелось бы, чтобы в результате сегодняшних событий, в результате визита на самом высшем уровне эти отношения не остались бы только на высшем уровне, а спустились как можно глубже. Потому что часто то, что не могут сказать политики, могут сказать простые люди, то, что не могут сделать политики, может сделать искусство.

На снимках:
кино —
средство
человеческого
общения.

На странице 32:
Никита
Михалков
и Андрей
Михалков-
Кончаловский
у стен
римского
Пантеона